

**БОЛЬШЕВИКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ
«ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ» СИБИРИ
(июнь — ноябрь 1918 г.)**

Одной из непреложных аксиом политической и военной борьбы является наиболее полное знание своего противника. Трудно рассчитывать на победу без адекватного представления о количественных и качественных характеристиках противостоящего тебе субъекта. Особую значимость эта прописная истина имела в экстремальной обстановке гражданской войны, отличавшейся к тому же исключительным динамизмом и непредсказуемостью, когда в соперничавших лагерях стремительно менялось соотношение социально-политических и вооруженных сил, структура органов государственной власти, их политическая линия, формы и методы ее реализации, уровень социальной напряженности и т.п.

Полномасштабная гражданская война в России развернулась в результате вооруженного выступления Чехословацкого корпуса, начавшегося на востоке страны в конце мая 1918 г. Его части совместно с антибольшевистскими вооруженными формированиями в течение трех летних месяцев свергли советскую власть на территории Сибири. Лагерь контрреволюции составляли разнородные общественно-политические силы, объединившиеся под флагом борьбы с большевиками.

Однако каковы были представления различных политических групп, партий и институтов об этом противнике? Менялись ли они с течением времени и под влиянием обстоятельств? Анализ знаний, мнений, суждений, стереотипов и мифов о большевиках на начальном этапе гражданской войны, в период так называемой «демократической контрреволюции», позволит приблизиться к более точному пониманию того, что представлял собой этот антибольшевистский конгломерат. Принципиально важно получить ответ на вопрос о том, смогли ли противники большевиков распознать, а затем создать реалистический образ противостоявшего им врага, предназначенный для внедрения в массовое сознание населения, превратить его в инструмент пропаганды и государственной политики? Или мобилизационные возможности концепта «большевик» после свержения советской власти в Сибири оста-

лись не использованными, тем самым не дав должного консолидирующего эффекта в лагере контрреволюции?

В историографии выявлению и анализу основных представлений о большевиках периода гражданской войны в России, бытовавших в лагере их противников, уделено сравнительно мало внимания. Этой тематике посвящен раздел монографии Л.А. Молчанова. Кроме того, она нашла отражение в статьях В.В. Журавлева и Т.В. Кребс, а также в диссертации Д.Н. Шевелева.

Опираясь на единичные сообщения нескольких антибольшевистских газет, выходивших на различных территориях бывшей Российской империи во второй половине 1918 г., Л.А. Молчанов попытался вычленить ключевые мифологемы «белых» о «красных». Главные из них сводились к следующему: власть большевиков скоро падет, так как они пособники германских спецслужб, чудовища, возглавляемые сумасшедшим фанатиком В.И. Лениным, и народ их не поддерживает¹. Однако тем самым Л.А. Молчанов зафиксировал лишь несколько разрозненных элементов калейдоскопа представлений о большевиках, циркулировавших в лагере контрреволюции.

Более «прицельно», на материалах трех омских газет («Правительственный вестник», «Сибирская речь» и «Русская армия») тему «Советская Россия в изображении белогвардейской печати при Российском правительстве А.В. Колчака» попыталась исследовать Т.В. Кребс². Она препарировала официозную антибольшевистскую пропаганду на эмоциональную, информационную и оценочную составляющие. В результате был сделан вывод о ее косности и противоречии с действительностью.

В статье В.В. Журавлева «Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г.»³ были про-

¹ Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917 — 1920 г.). М., 2001. С. 110–114.

² Кребс Т.В. Советская Россия в изображении белогвардейской печати (по материалам омских газет) // Омский научный вестник. Серия: общество, история, современность. № 3 (78). Омск, 2009. С. 36–38.

³ Журавлев В.В. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г. // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Сб. науч. статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 3–20.

анализированы декларативные акты Сибирской областной думы, Временного правительства автономной Сибири, Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства, Совета министров Временного Сибирского правительства и Временного Всероссийского правительства. Автор диагностировал изменение набора политических ценностей, которыми оперировала государственная власть восточной ветви контрреволюции. В частности, образ «врага» в качестве гарантии своей легитимности использовали все антибольшевистские правительства, но если одни изображали большевиков как врагов революции и демократии, то другие делали акцент на предательстве ими национальных интересов и «разрушении русской государственности». В.В. Журавлев впервые в историографии обратил внимание на то, что образ «врага» не был единым, монолитным феноменом в контрреволюционном движении, а напротив, отличался подвижностью и неоднозначностью.

В диссертационном исследовании Д.Н. Шевелева «дискурсу политической пропаганды белой Сибири в июне 1918 — январе 1920 г.» посвящена целая глава. В качестве центральной идеи в «политической программе Белого Востока» он выделил «бескомпромиссную борьбу с большевизмом»⁴, не раскрыв, однако, что «белые» понимали под «большевизмом». При этом автор доказал, что основным механизмом изображения врага было использование противопоставлений архетипов, бинарных оппозиций «Мы» — «Они».

Можно сказать, что исследователи пока робко проявляют интерес к изучению представлений о противнике, существовавших в антибольшевистском движении на востоке России. До сих пор не исследованы ключевые вопросы данной темы: содержание знаний, мнений, суждений и мифов о большевиках, бытовавших в политических группах и партиях, и их динамика; формы, методы и результаты использования представлений о большевиках в лагере контрреволюции; применение образа «врага» органами государст-

⁴ *Шевелев Д.Н.* Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы гражданской войны (июнь 1918 — январь 1920 г.). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Томск, 2012. С. 45.

венной власти в идейно-информационной борьбе и практической деятельности.

* * *

В революционную эпоху складывание представлений либерально-радикальной общественности бывшей Российской империи о большевиках происходило в русле политической традиции, под влиянием конкретных событий и явлений. Крайне негативное отношение со стороны либеральных, демократических и социалистических политических групп и партий к РСДРП(б) как к агрессивному и непредсказуемому актору получило мощный импульс весной — летом 1917 г.

Во-первых, в контексте истерии выискивания «предателей родины», «внутренних врагов», препятствовавших победам российской армии в ходе Первой мировой войны, ажиотаж вызвало сообщение о том, что «через Германию в plombированном вагоне в Россию проехал Ленин с единомышленниками». В прессе муссировались подробности — «не просто проехал через Германию, а взял на себя известные обязательства перед германским правительством. Он [...] заявил, что будет „требовать“ в России освобождения австро-германских пленных»⁵. С этого скандала началось разыгрывание «немецкой карты» в отношении большевиков. Тем более, что сюжет о предательстве родины «удачно» накладывался на интернационалистические позиции партии, так называемый «циммервальдизм» ее лидеров. Тем более, что первым пунктом апрельских тезисов «О задачах пролетариата в данной революции» В.И. Ленина была критика империалистической войны, «революционного оборончества» и призыв к братанию на фронте.

Во-вторых, в действиях и личности лидера большевиков политические оппоненты с самого начала улавливали беспрецедентную нацеленность на власть и авторитарные замашки. Безапелляционный отказ в поддержке Всероссийскому Временному правительству и «разъяснение полной лживости всех его обещаний», курс на гражданскую войну, прагматичное отношение к советам депутатов и идее Всероссийского Учредительного собрания, агрессивная риторика и провокация июльских антиправительственных выступле-

⁵ См., напр.: *Колосов Евгений*. Красноярские соц[иал]-дем[окра]ты о моих «инсинуациях» // Наш голос (Красноярск). 1917. 13 апреля.

ний в 1917 г. — все это клеймилось как «преступления против революции», предательство демократии и подготовка к «грядущему самодержавию Его Императорского Величества Ленина I». Аналогии с глубоко укоренившимися в сознании либеральной и радикальной общественности негативными образами «самодержавия», «царизма» и «монархии» были симптоматичны. Тем самым большевиков ставили в один ряд со злейшим «врагом народа».

Так в революционную эпоху в России рождался многоликий образ большевиков как «врагов родины», «врагов революции», «врагов демократии» и «врагов народа». Он вместил в себя апелляцию к национальным и демократическим ценностям, символам Великой Французской революции и сконструированными контрэлитой представлениям о политической системе бывшей империи. Поэтому такой образ потенциально способствовал объединению против большевиков разнородных политических групп, партий и общественно-политических сил.

Обобщенное негативное представление о большевиках быстро закрепилось в риторике соперничавших с ними политических групп и партий, но использовалось зачастую ситуативно, непоследовательно. Из-за этого оно проигрывало тому образу «врага», который в противовес создавали о своих оппонентах и противниках сами большевики. Последние выстраивали обобщенные представления о противниках комплексно, базируясь на концепции классовой борьбы. Образ представлял собой своеобразную пирамиду, в основании которой лежал социальный уровень (представления о классовых врагах), над ним надстраивались политический (враждебные партии, организации и институты) и личностный. Такой подход обеспечивал последовательность и жесткость в насаждении образа в массовое сознание населения и одновременно допускал известную гибкость, так как набор и внутренняя иерархия «врагов» могли меняться в зависимости от политического момента⁶.

Борьба против большевиков приняла новое качество в результате успеха Октябрьской революции. Вчерашние политические

⁶ См.: Сазонов Е.А. Образ «врага народа» в партийной и государственной политике большевиков (июль 1917 — июль 1918 г.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.

оппоненты кадетов, эсеров и меньшевиков узурпировали государственную власть и стали противниками первого порядка. Большевики проводили дискриминационно-репрессивную политику в отношении оппозиционных политических групп и партий, ограничили свободу слова, приступили к формированию монопольной партийно-государственной системы средств массовой информации и развернули агрессивную пропаганду. Борьба на информационно-идеологическом поле резко обострилась, приобрела жесткий, бескомпромиссный характер.

Советская власть в представлениях политических противников была отождествлена с деятельностью партии большевиков и личностями В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. Однако сам термин «советская власть» для характеристики того, что происходило в стране в ноябре 1917–1918 г., использовался оппозицией крайне медленно. Кадеты, эсеры и меньшевики предпочитали применять термины «большевизм», «большевицкая власть», поскольку значение «советов» как символа демократической революции было прочно укоренено в политической культуре российских партий. Особенно болезненно использование советов большевиками для захвата власти переживали эсеры и социал-демократы. Они развернули борьбу за перевыборы советов депутатов, стремясь вытеснить из них большевиков, сохранить представительную функцию и демократичный характер этих органов.

При этом сами большевики в представлениях их противников все реже рассматривались в качестве членов политической партии. Их стали «видеть» как власть предрержащую группу, объединенную целью «все отобрать и поделить», и/или даже целым социокультурным явлением сродни «пугачевщине».

После Октябрьской революции всесторонней критике подверглась политика Совета народных комиссаров и действия представителей советской власти на местах. Разгон Всероссийского Учредительного собрания и органов местного самоуправления, попытки подчинить административному контролю профсоюзы, сворачивание гражданских свобод, незаконные аресты, гонение на оппозиционные политические партии, введение смертной казни, возрождение бюрократического аппарата в лице местных комиссаров, карательные экспедиции красноармейцев в деревню за хлебом, — все это оценивалось не иначе как «возвращение самодержавия» и

«правительственный деспотизм»⁷. Представление о большевиках как «врагах революции», поправших демократические ценности, получило обильную свежую подпитку.

Однако наиболее мощным стимулом для объединения оппозиционных большевикам общественно-политических сил стали Декрет о мире и сепаратный Брестский мирный договор, заключенный Советом народных комиссаров. «Похабный», «несчастный» Брестский мир с аннексиями и контрибуциями задел самые глубокие национальные чувства населения страны. Поэтому на первый план в развитии представлений о большевиках вышел образ «внутреннего врага», базирующийся на национальных ценностях, а слово «большевизм» быстро стало нарицательным, синонимом предательства родины и преступлений против народа.

В Сибири установление и упрочение власти большевиков происходило медленнее, чем в центре России, а их действия по реализации политической программы партии не были столь решительными. При этом негативное отношение к большевикам усугублялось маргинальным, полууголовным составом представителей власти и широким применением насильственных методов. Как следствие, в представлениях о противнике особенно ярко выделялись такие черты как грубость, жестокость и примитивность. «Наш доморощенный большевизм — это именно то несуразное „рыло“, которое никогда социализма не нюхало, слыхало о нем только одно — „все мое — мое и все твое — мое“ — это упрощенный острожный социализм и за этой-то ясной и простой формой на страх и ужас обывателя пошла огромная рать темных людей»⁸.

Положение на востоке России кардинально изменилось в результате антибольшевистского переворота. В конце мая — июне 1918 г. большинство крупных городов Сибири перешли под управление Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. Его члены, эсеры-максималисты, провозгласили высшими целями спасение завоеваний революции и восстановле-

⁷ Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 — май 1918 г.). Из истории идейно-политической борьбы. Томск, 1994. С. 170.

⁸ Крутовский В.М. Областное обозрение // Сибирские записки (Красноярск). 1918. № 1–2. С. 57.

ние национальной независимости страны⁹. В их декларации «Ко всему населению Западной Сибири» от 1 июня 1918 г. говорилось: «Западная Сибирь очищена от большевиков. Они бегут, унося с собою все, что можно захватить. Ярмо нового самодержавия уничтожено. Сибирь вновь свободна». Подчеркивался «антиреволюционный» характер свергнутой советской власти. Именно в качестве противостоявшей этому «новому самодержавию» легитимировалась новая власть¹⁰.

Однако Западно-Сибирский комиссариат не спешил с отменой декретов Совета народных комиссаров, постепенно возвращая в практику правовые нормы периода Февральской революции. Вплоть до конца июня 1918 г. в самоуправлениях Томска, Красноярска, Барнаула и ряда других городов Сибири оставались в качестве гласных большевики и их сторонники. Только 27 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат принял постановление «Об устранении представителей антигосударственных партий из органов самоуправления», в котором признал недопустимым пребывание в составе органов местного самоуправления представителей тех партий и организаций, которые продолжают вести вооруженную борьбу против Временного Сибирского правительства¹¹. Вместе с тем его члены «считали изоляцию большевиков вполне достаточной мерой для обезвреживания»¹² и даже допускали существование этой партии в качестве идейно-политического течения.

Западно-Сибирский комиссариат 30 июня 1918 г. передал власть пяти министрам Временного Сибирского правительства, избранным Сибирской областной думой в конце января 1918 г. По политическим позициям они были значительно «правее» членов Западно-Сибирского комиссариата и в качестве приоритетной задачи выдвинули укрепление законности и порядка. В репрезента-

⁹ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая — 30 июня 1918 г.). Сб. док. и мат. / Сост., отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2005. С. 58.

¹⁰ Журавлев В.В. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции... С. 11.

¹¹ Западно-Сибирский комиссариат... С. 152.

¹² Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сб. документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. С. 93.

тивной риторике прозвучали другие акценты. В воззвании «Ко всем гражданам Сибири» свергнутая советская власть характеризовалась ими уже не как «большевистское самодержавие», а как «большевистское иго», то есть в терминах не социальной, а национальной борьбы. В тексте были использованы образы наведения порядка — «разбив банды красноармейцев», «борьба с темными силами, разрушившими русскую государственность». Совет министров Временного Сибирского правительства решительно отказался от революционаристской риторики, выдвинув на первый план национальные, государственные и патриотические лозунги¹³.

В отношении так называемого «большевистского наследия» Совет министров Временного Сибирского правительства действовал более жестко и решительно. В начале июля 1918 г. он принял постановления «Об аннулировании декретов советской власти» и «О недопущении советских организаций»¹⁴. Тем самым было продемонстрировано решительное отрицание практики советско-большевистского режима, а образ «врага» более последовательно реализовывался в политике Временного Сибирского правительства. Однако Совет министров не решился выпустить постановление об отношении к большевикам-коммунистам, в котором «партия признавалась антигосударственной и деятельность ее законом запрещалась»¹⁵. Более того, министр туземных дел М.Б. Шатилов, эсер по партийной принадлежности, высказался против¹⁶, выражая не только личное мнение, но и позицию Сибирского краевого комитета партии.

Политика Западно-Сибирского комиссариата и Совета министров Временного Сибирского правительства летом 1918 г. в отношении большевиков строилась на основании представлений, бытовавших у их членов, представлявших различные общественно-политические силы в антибольшевистском движении. Специального органа или учреждения, которые бы целенаправленно занимались сбором и анализом информации о военно-политическом противнике, создано не было. Поэтому государственная власть

¹³ Журавлев В.В. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции... С. 14–15.

¹⁴ Временное Сибирское правительство... С. 118, 126.

¹⁵ Там же. С. 99.

¹⁶ Там же. С. 673.

оказалась в определенной зависимости от мнений и представлений о большевиках, существовавших у представителей идейно-политических течений, поддерживавших ее.

В условиях свержения советской власти летом 1918 г. активизировалась деятельность крупнейшей партии «левого» фланга общественно-политических сил Сибири — партии эсеров. Широко развернули работу организации социал-демократов, состоявшие в основном из меньшевиков-центристов, которые во время господства советской власти существовали в условиях «допустимой легальности»¹⁷. Возобновили легальную деятельность местные комитеты партии народной свободы, объявленной Советом народных комиссаров 11 декабря 1917 г. вне закона. Начали проявлять себя представители трудовой народно-социалистической партии и социал-демократической группы «Единство». Восстанавливались органы местного самоуправления. Динамичнее и разнообразнее стала легальная общественно-политическая жизнь в городах Сибири.

Летом 1918 г. в Сибири органы государственной власти декларировали и соблюдали свободу слова. Поэтому в крае резко выросло количество газет и журналов за счет возобновления выхода ранее закрытых большевиками эсеровских, кадетских и меньшевистских повременных органов, учреждения новых партийных изданий, увеличения количества частных, кооперативных и профсоюзных газет, появления повременных органов местного самоуправления. Кроме того, в июне — июле 1918 г. стали издаваться газеты административных органов управления сибирской контрреволюции¹⁸.

Именно периодическая печать как наиболее доступное и широко распространенное средство массовой информации стала основным инструментом идейно-политической и пропагандистской деятельности различных общественно-политических сил. На ее

¹⁷ См.: *Макарчук С.В.* РСДРП(о) в Сибири. 1917–1918 гг. // Гражданская война в Сибири. Сб. докладов. Красноярск, 1999. С. 68–71; *Ненароков А. П., Павлов Д. Б., Розенберг У.* В условиях официальной и полуофициальной легальности // *Меньшевики в 1918 г. М., 1999.* С. 22.

¹⁸ См.: *Шереметьева Д.Л.* Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая — середина ноября 1918 г.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011.

страницах печатали не только новостные сводки, публицистические статьи, очерки и фельетоны, но и воззвания, обращения, протоколы и резолюции съездов, конференций, совещаний, материалы публичных лекций, интервью с политическими деятелями и пр. Поэтому пресса служит самым информативным, полным и достоверным источником для изучения представлений контрреволюции о большевиках.

Реакция всего спектра идейно-политических течений в лагере контрреволюции на свержение советской власти была определенной и однозначной. В большинстве воззваний, заметок и статей при освещении этой темы присутствовал мотив «освобождения»: «пал строй большевистского насилия и произвола»¹⁹, «ряд областей Сибири освобождены от большевистского ига»²⁰, «власть большевиков пала, гражданин облегченно вздохнул и опять вышел на улицы»²¹, «наши выбили большевистские банды», «население приветствует освободительные действия»²² и т. п.

В связи с успешно развивавшимся антибольшевистским переворотом в прессе оперативно публиковались разнообразные и, как правило, достаточно полные сведения о ходе боевых действий на территории Сибири. Летом 1918 г. военные предоставляли значительное количество достоверной информации по этому вопросу, особенно по сравнению с предшествующим периодом, когда по военно-цензурным соображениям большая часть военной информации была запрещена к печати²³.

При этом в газетах Сибири акценты делались на фактах «позорного бегства большевиков». Статьи в крупнейших либеральных и социалистических общественно-политических газетах края «Сибирской жизни» («Свержение советской власти в Томске», «Как они убегали», «К истории переворота»), омской «Заре» («На „Андрея Первозванном“»), «Свободной Сибири» («Падение большевизма», «Наши аргонавты», «Рассказы беженцев из Енисейска», «Новая страна», «Крах большевизма»), «Голосе народа» («По го-

¹⁹ Голос народа (Томск). 1918. 2 июня.

²⁰ Заря (Томск). 1918. 5 июня.

²¹ Алтайский луч (Барнаул). 1918. 20 июня.

²² Народная свобода (Барнаул). 1918. 9 июля.

²³ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 19.

родам и весям», «К бегству большевиков из Томска»), «Алтае» («События в Томске», «Красноярск очищен от большевиков»), барнаульской «Народной свободе» («Как они бежали»), «Нашей мысли» («Большевики в Нарыме», «О друзьях народа») содержали подробности того, как руководители советов Красноярска, Томска и Тобольска и члены их исполнительных комитетов расхищали городские финансы, захватывали продовольствие и пытались скрыться на реквизированных пароходах²⁴. После множества сообщений о вывозе большевиками денег, золота и прочих ценностей из населенных пунктов Сибири в некоторых статьях журналисты сделали вывод, экстраполировав факты, что большевики ограбили большинство городских и государственных касс в крае²⁵.

На основании достоверных сведений и вытекавших из них суждений большевиков изображали слабым, трусливым и своекорыстным противником. Советская власть в Сибири стремительно терпела военное поражение, основной причиной чего если не называлась, то по крайней мере подразумевалась организационная и морально-психологическая слабость «красных в сравнении с чехобелыми»²⁶. То есть уничижительные представления о большевиках в лагере контрреволюции выводились из объективных фактов, а потому были хорошо узнаваемы и прочно утверждались в сознании общественности.

Однако в потоке торжествующих материалов по поводу свержения советской власти в Сибири профсоюзные газеты «Рабочий путь», «Рабочее знамя» и социал-демократические издания «Заря» и «Алтайский луч» пытались «держаться» лояльный тон. В меньшевистской «Заре» «в целях всестороннего освещения событий» была опубликована статья большевика В.Д. Вегмана «Последнее со-

²⁴ Сибирская жизнь (Томск). 1918. 1, 2 и 4 июня; Заря (Омск). 1918. 20 июня; Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 22, 27, 28 июня, 19, 23, 24 июля; Голос народа (Томск). 1918. 4, 8 июня; Алтай (Бийск). 1918. 23, 28 июня; Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 5, 7 июня; Наша мысль (Томск). 1918. 30 июня.

²⁵ Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 28 июня; Заря (Омск). 1918. 21 июня; и др.

²⁶ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 385.

вещание старой и первый час новой власти»²⁷. Автор довольно обширного материала, присутствовавший на последнем заседании томского совдепа, выражал несогласие с обвинениями в воровстве из городской казны и в намерении уничтожить запасы продовольствия. В.Д. Вегман использовал нейтральную лексику и тон случайного очевидца событий. Помимо этого, редакторские коллективы профсоюзной газеты «Рабочее знамя», социал-демократических «Зари» и «Алтайского луча» размещали обличительные материалы о карательных мерах военных против большевиков, незаконных арестах и недостатках в работе следственных комиссий²⁸, затушевывая ликование остальных изданий по поводу смены власти.

Свержение советской власти, которая летом 1918 г. в основном именовалась как «большевицкая», дало возможность ее противникам беспрепятственно и последовательно выразить представления о характере и сущности советско-большевистского режима. Практически все материалы о большевиках, опубликованные в периодической печати либералов и так называемых «правых» социалистов (части эсеров, членов трудовой народно-социалистической партии и социал-демократической группы «Единство») летом 1918 г. можно охарактеризовать как «беспощадное разоблачение»²⁹. Представители этих идейно-политических течений развернули пропаганду против большевиков, основы которой сложились еще в ноябре 1917 — мае 1918 г., и включали в себя критику насильственного захвата власти, разгона Всероссийского Учредительного собрания, «позорного» Брестского мира и реквизиционной продовольственной политики советской власти³⁰.

²⁷ Последнее совещание старой и первый час новой власти // Заря (Томск). 1918. 9 июня.

²⁸ Ликвидация большевизма // Рабочее знамя (Томск). 1918. 26 июня; Несколько слов о следственной комиссии // Рабочее знамя (Томск). 1918. 2 июля; На ту же тему // Заря (Томск). 1918. 9 июня; После переворота // Заря (Томск). 1918. 18 июля; Дело о расстрелах // Алтайский луч (Барнаул). 1918. 26 июня.

²⁹ Сибирская речь (Омск). 1918. 27 июня.

³⁰ См.: *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири... С. 155–174.

На страницах газет либералов и «правых» социалистов критиковались практически все аспекты деятельности большевиков как представителей власти. Публицисты определяли политику советской власти так: «Руками обманутого народа они [большевики. — *Д.Ш.*] делают все, чтобы разрушить и поработить Россию». Все декреты Совета народных комиссаров квалифицировались как бред³¹. Аргументированной критике с точки зрения либеральных правовых норм подверглись «Декрет о суде», «Декрет об отмене права наследования», «Декрет о печати», нарушавшие гражданские свободы³². «Декрет о браке» и «Декрет об отделении Русской православной церкви от государства» обличались как аморальные³³.

Экономическая политика советского правительства была признана в антибольшевистской прессе вредительской. Этот вывод следовал из того, что в результате деятельности большевистской власти в Сибири произошел повсеместный развал промышленности, финансовой сферы и торговой системы³⁴. Острой критике подверглись меры по экспроприации и национализации большевиками частной собственности³⁵, работа советских продовольственных органов³⁶. Из мероприятий большевиков в сфере экономики их противники особо выделяли введение рабочего контроля над производством. Его называли «одной из главных приманок большевизма», результаты осуществления которой на предприятиях оказались губительными для промышленности и транспорта. С опорой на мнения инженеров и администраторов предприятий делались выводы о том, что в фабрично-заводских комитетах не было ни одного достаточно образованного человека для управления

³¹ Советские декреты // Сибирская речь (Омск). 1918. 10 июля; Свободный край (Иркутск). 1918. 18 июля.

³² Отмена декретов // Сибирская жизнь (Томск). 1918. 10 июля; Правовой идиотизм // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 6 авг.

³³ Сибирская речь (Омск). 1918. 13 июля; Алтай (Бийск). 1918. 29 июня.

³⁴ Сибирская жизнь (Томск). 1918. 28 июля; Свободный край (Иркутск). 1918. 15 сент.

³⁵ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 4 июня; Свободный край (Иркутск). 1918. 25 авг.

³⁶ Заря (Омск). 1918. 2 июля.

производством и «кривой привел слепого» к почти полной остановке производства в крае³⁷.

Политика большевиков была постоянным объектом критики в периодической печати либералов и «правых» социалистов. Однако самыми сильными аргументами против советско-большевистской власти были не ее идейные установки и политические проекты, а социальный состав и методы работы советских управленцев.

Летом 1918 г. в прессу попали сведения о члене исполнительного комитета совета депутатов Красноярска М.И. Максимове, который подвергся аресту инспекцией уголовного розыска за участие в вооруженном ограблении³⁸. Омская «Заря» сообщила о том, что председателем Атбасарского уездного совета депутатов был «малограмотный и невежественный торгаш М. Ващенко», которого обвиняли в растратах и казнокрадстве даже местные большевики³⁹.

В июле 1918 г. в сибирской прессе появилась серия статей Алфорова под названием «Семипалатинские большевики». В ней были даны характеристики членам исполкома Семипалатинского совдепа: «Военнопленный немец Вейцвагер — углубитель революции, прятавшийся за спиной красноармейцев; фон Феттер — патентованный интернационалист, военнопленный, пойманный на заимке под печкой; Трусов — глупый костыльник, полное ничтожество; Лягин — отброс студенчества, вылезший из арестантского халата; Молоствов — равнодушный к чужой собственности пьяница, издевавшийся над офицерами; Кривошеков — бывший монархист, который пьет иноземцевы капли»⁴⁰. В таких экспрессивных выражениях был составлен социальный портрет советских руководителей Семипалатинска.

Тобольская газета «Сибирская земская деревня» опубликовала справку о судимости за кражу и растрату председателя Тюменско-

³⁷ Сибирская жизнь (Томск). 1918. июня; Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 16 июня; Сибирская речь (Омск). 1918. 29 июня; Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 4 июля; Народная свобода (Барнаул). 1918. 11 июля.

³⁸ Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 27 июня.

³⁹ Заря (Омск). 1918. 19 июня.

⁴⁰ Свободная речь (Семипалатинск). 1918. 1 июля; Сибирская речь (Омск). 1918. 4 июля.

го ревтрибунала и редактора «Известий Тюменского совета рабочих и солдатских депутатов» Шелихова⁴¹. Иркутские газеты поместили ряд нелицеприятных материалов о «просветительской» деятельности Пантелеймона и Милицы Парняковых, чьими стараниями в начале 1918 г. расхищению подверглась городская духовная семинария⁴².

В качестве доказательства уголовного характера деятельности большевиков как представителей власти были опубликованы свидетельства о расхищении муниципального и частного имущества, в том числе финансовых средств, продовольствия, орудий и средств производства, лекарств, мебели и пр.⁴³.

Перечисление такого рода заметок можно продолжить. Однако в данном случае важно, что подобные материалы были распространены, типичными и не противоречили реальному социокультурному облику «среднего» представителя советско-большевистской власти в 1918 г.⁴⁴ На этом основании за большевиками прочно закрепились характеристика «уголовники и аферисты».

В качестве основных методов проведения политики советского правительства антибольшевистская пресса выделяла «запугивание», «репрессии» и «заложничество». Журналисты приводили документы, свидетельства очевидцев, а также использовали слухи о большевистских насилиях в отношении мирного населения. Информационно насыщенный комплекс материалов, в которых повествовалось о случаях грубого обращения, избиения и незаконных арестов гражданского населения в Сибири зимой — весной 1918 г., был опубли-

⁴¹ Сибирская земская деревня (Тобольск). 1918. 18 июля.

⁴² Свободный край (Иркутск). 1918. 23 июля.

⁴³ Сибирская жизнь (Томск). 1918. 6 июня; Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 7 июня, 18 июля; Сибирская речь (Омск). 1918. 28 июня; Алтай (Бийск). 1918. 28 июня; Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 3, 9, 14 июля, 8, 25 авг.; Наша мысль (Томск). 1918. 30 июня; Свободный край (Иркутск). 1918. 16, 17 июля; Сибирь (Иркутск). 1918. 13 августа; и др.

⁴⁴ См.: *Ларьков Н.С.* Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 36–39, 218, 223; *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 150–152.

кован в газетах «Сибирская жизнь», «Сибирская речь» и «Свободная Сибирь»⁴⁵.

В либеральной прессе нашли освещение организованные большевиками насилия против религиозных деятелей⁴⁶. В частности, достоянием общественности стали убийство большевиками епископа Тобольского и Сибирского Гермогена⁴⁷, арест омского архиепископа Сильвестра и убийство его келейника⁴⁸. В августе 1918 г. журналист красноярской кадетской газеты «Свободная Сибирь» составил список под названием «Жертвы за церковь», в котором насчитывается 60 фамилий убитых большевиками священно- и церковнослужителей⁴⁹.

В качестве яркого примера большевистского террора сотрудник новониколаевской газеты «правых» социалистов «Народная Сибирь» М.П. Затонский, публиковавшийся под литературным псевдонимом А. Батрак, в статье «Последние дни Совдепии в Сибири» перечислил приказы коменданта Тюмени В.И. Шебалдина с 15 июня по 19 июля 1918 г., когда город был очагом большевистского сопротивления в Западной Сибири. Автор привел тексты 29 приказов, 13 из которых содержали требования расстрела буржуазии, попов, контрреволюционеров и всех, кто мешал проводить диктатуру пролетариата, а два предусматривали расстрел заложников⁵⁰. Этот факт был дополнен в августе сообщением корреспондента из Тюмени: «Большевики подвергли город полнейшему террору. Начались аресты, брались заложники, которых было загнано более двухсот человек без разбора. Содержание в тюрьме было ужасным [...]. Всего ужаснее для за-

⁴⁵ Зверства большевиков // Сибирская жизнь (Томск). 1918. 2 июля, 1 августа; Зверства большевиков // Сибирская речь (Омск). 1918. 4 июля, 3, 4 августа; Большевистская власть держалась на насилии... // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 23 июля; и др.

⁴⁶ Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 30 июня.

⁴⁷ Подробности убийства епископа Гермогена // Тобольское народное слово. 1918. 31 июля; Сибирская жизнь (Томск). 1918. 8 августа; Иртыш (Омск). 1918. 30 августа.

⁴⁸ Арест омского архиепископа Сильвестра (рассказ очевидца) // Сибирская речь (Омск). 1918. 2 июля.

⁴⁹ Жертвы за церковь // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 24 августа.

⁵⁰ См. перепечатку: Сибирская речь (Омск). 1918. 14 сентября.

ключенных был день пятого июля, когда партию из 12 человек повели на расстрел»⁵¹. Расстрел не состоялся, но за В.И. Шебадлиным, В.М. Косаревым и Г.А. Усиевичем, руководившими осажденной Тюменью, в антибольшевистской прессе закрепилось прозвище «главари кровопийц».

Аналогичные действия большевиков описал автор кадетской газеты, скрывшийся под псевдонимом Абориген, в статье «Дни советской власти в Енисейске». Он сообщил, что с 20 по 25 июня 1918 г. бежавшие в Енисейск члены Красноярского совдепа арестовали 180 «контрреволюционеров», захватили около 30 заложников из буржуазии и убили одного обывателя⁵².

В прессе наряду с фактами насилия большевиков над гражданским населением описаны расправы красноармейцев с военными противниками, пытки и казни пленных, надругательства над трупами и т. п. Одним из самых нагумевших «военных зверств красноармейцев», описанном в большинстве сибирских антибольшевистских газет летом 1918 г., было убийство подполковника Б.Ф. Ушакова⁵³. Оно было превращено в одно из своеобразных медийных событий, с помощью которых утверждался в массовом сознании населения образ большевиков как военного противника.

Таким образом, либералы и «правые» социалисты на протяжении лета 1918 г. были солидарны в том, что большевики — это «слабые», но «жестокие» «преступники», а большевизм является «страшным злом для страны». Они целенаправленно транслировали это обобщенное, но упрощенное представление, используя всевозможные методы: от сообщения достоверных фактов до экспрессивных художественных приемов и навешивания ярлыков. Поскольку складывавшийся образ «большевизма» имел подтверждение в советско-большевистской действительности Сибири образца весны 1918 г., он легко утверждался в сознании значительной части представителей антибольшевистского движения.

Отношение к большевикам и советской власти эсеров и меньшевиков летом 1918 г. было более сдержанным. В их пропа-

⁵¹ Сибирская речь (Омск). 1918. 4 августа; Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 8 августа.

⁵² Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 9 июля.

⁵³ Свободный край (Иркутск). 1918. 27 августа; Сибирская жизнь (Томск). 1918. 28 августа.

ганде прослеживается враждебное отношение к советско-большевистскому режиму, однако оно имело свои особенности. Социалисты разделяли некоторые идеологические позиции коммунистов и с пониманием относились к отдельным преобразованиям, проводимым в жизнь Советом народных комиссаров. Поэтому отрицание большевизма представителями «левого» фланга антибольшевистского движения не было однозначным, полным и последовательным.

В основе представлений эсеров о большевиках лежал тезис о предательстве ими интересов народа. Большевиков называли, как правило, «самодержавной кучкой временщиков», «опричниками» и «контрреволюционерами». В июньском воззвании Сибирского краевого комитета партии эсеров фигурировали «цепи большевизма, задушившего свободу и обманом правившего от имени рабочих и крестьян». В резолюции по текущему моменту IV Томского губернского съезда партии эсеров от 16 июля 1918 г. было сформулировано требование о необходимости «полной ликвидации большевистской власти, предавшей интересы трудящихся соглашением с германским империализмом и разрушившей все добытые Февральской революцией свободы»⁵⁴.

При этом проблемное «поле критики» эсерами большевиков летом 1918 г. значительно сузилось по сравнению с зимой 1917 — весной 1918 г. В периодической печати практически сошли на нет темы политической демагогии коммунистов, заимствования ими эсеровского закона о земле и его извращения советской властью при применении на практике, продовольственной политики и положения пролетариата. Самым насущным оставался только вопрос о судьбе советов. В статьях газет «Голос народа» и «Дело Сибири» доказывалось, что большевики «извратили идею советов, используя их как ширму для установления собственной власти»⁵⁵. Это, по мнению эсеров, нанесло «неизгладимые раны демократии»⁵⁶.

⁵⁴ Политические партии в Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 гг.): Съезды, конференции, совещания / Сост. Э.И. Черняк. Томск, 1993. С. 149.

⁵⁵ Дискредитация советов как органов власти заключалась в указании на подтасовке выборов и роспуск «неудобных» советов. (См.: Голос народа (Томск). 3, 13 июня; Дело Сибири (Омск). 1918. 27 июня, 4 июля).

⁵⁶ Там же. 1918. 27 июня, 6 июля.

Меньшевики летом 1918 г. представляли большевиков в основном как политических противников, «врагов демократии и социализма». Советскую власть они оценивали как «мнимо социалистический опыт большевиков» и «террористический режим безответственной диктатуры». Резолюция по текущему моменту Западно-Сибирской конференции РСДРП от 5 июля 1918 г. гласила: «Политика управления страной путем уничтожения всех демократических гарантий способом красногвардейского террора и гражданской войны внутри демократии [...] вызвали глубокий кризис русской революции и обессилили творческие силы демократии, объективно подготовили [...] почву для торжества реакционных сил». Одновременно меньшевики считали, что «свержение большевистской власти [...] само по себе еще не означает торжества демократии»⁵⁷.

Более того, летом 1918 г. в газетах социал-демократов содержались призывы не преследовать людей за политическую принадлежность к РКП(б)⁵⁸ и обсуждалась возможность формирования социалистической коалиции с участием большевиков⁵⁹. В общем меньшевики не отвергали партию большевиков как нечто чужеродное для России и народа.

Эсеры и меньшевики были солидарны с либералами только в критике методов утверждения и удержания советской власти. В эсеровском «Голосе народа» 13 июня 1918 г. И.Г. Гольдберг поместил обширную статью под названием «Политическая мечь», в которой живописал «кроважность большевиков и их стремление физически уничтожить политических оппонентов». Через несколько дней в газете были приведены факты посягательства противников на неприкосновенность личности, жилища и имущества, за что они сравнивались с опричниками и инквизиторами⁶⁰. 3 августа 1918 г. издание сообщило о преступлениях «большевистского тюремщика» Розанова⁶¹. Позже редактор «Голоса народа» М.С. Фельдман написал эмоциональный некролог

⁵⁷ Политические партии в Сибири... С. 146–147.

⁵⁸ Алтайский луч (Барнаул). 1918. 30 июля.

⁵⁹ Единый революционный фронт // Заря (Томск). 1918. 29 июля; Тобольский рабочий. 1918. 1 августа.

⁶⁰ Голос народа (Томск). 1918. 16 июня.

⁶¹ Там же. 3 августа.

«Одному из многих», посвященный эсеру Г.Н. Надеждину, расстрелянному большевиками в Балаганске накануне свержения там советской власти⁶².

Подобные материалы периодически появлялись во всех газетах эсеров и меньшевиков. В качестве примеров можно привести «Алтайский луч» (см.: «Барская любовь» «Готтентотская мораль», «Обещания и их последствия»⁶³), «Сибирь» («Памяти жертв большевистской инквизиции», «Ужасы красного террора», «Агония»)⁶⁴, «Волю Сибири» («Последние дни большевистской власти», «Идейные фанатики или уголовные элементы», «К убийству Н.Н. Патлых»⁶⁵), «Дело Сибири» («Памяти павших»⁶⁶) и др. «Большевистские» методы политического действия — запугивание, насилие и обман, — отождествлялись с «самодержавием», «царизмом» и «деспотизмом». В представлении социалистов термин «большевизм» стал нарицательным и означал государственное насилие и погромы демократических ценностей.

Антибольшевистское движение в Сибири было объединено целью свержения «жестокого и слабого политического режима большевиков». В то же время либералы и «правые» социалисты последовательно насаждали представления о большевиках как о преступниках. Эсеры изображали большевиков преимущественно предателями интересов народа. Меньшевики редко и осторожно высказывались о большевиках, стремясь вывести из-под удара социалистические идеи и программы, а акцентировали внимание на насилии, применяемом всеми «антиреволюционным», «истинно реакционным силам».

К концу августа 1918 г. советская власть во всех городах Сибири была свергнута, бои на территории края прекратились. Тем не менее, в чрезвычайных условиях гражданской войны политический режим контрреволюции эволюционировал от первоначально декларированного народоправства к авторитаризму. Усиливалось вмешательство военных в сферу гражданского управления, социалисты оттеснялись от государственной власти. Даже

⁶² Там же. 24 августа.

⁶³ Алтайский луч (Барнаул). 1918. 21 июня, 3 июля 15 августа.

⁶⁴ Сибирь (Иркутск). 1918. 7 августа.

⁶⁵ Воля Сибири (Красноярск). 1918. 22, 23, 26 июня, 27 июля.

⁶⁶ Дело Сибири (Омск). 1918. 15 июня.

передача властных полномочий образованному на Уфимском государственном совещании 23 сентября 1918 г. Временному Всероссийскому правительству, которое намеревалось остановить «сползание» политического режима «вправо», не привела к изменению этой тенденции.

По мере отдаления линии фронта снижалась острота вопроса о большевиках и сильнее сказывался крайний недостаток в Сибири информации о том, что происходило в советской России. Со страниц периодической печати практически исчезли статьи, в которых осмысливался бы и/или критиковался характер советско-большевистского политического режима. Сведения о ситуации и событиях за линией советского фронта размещалась, как правило, в новостных блоках и специальных рубриках под названием «По России», «Что творится в советской России» и т. п.

Источники этой информации были разнообразными: перехваченные радиосводки, телеграммы иностранных новостных агентств, советские газеты и сообщения очевидцев, пересекших линию фронта. Однако сведения из этих источников зачастую были устаревшими, публиковались фрагментарно и могли быть недостоверными.

Содержание сообщений и заметок о большевиках и советской власти в прессе Сибири осенью 1918 г. ограничивалось несколькими основными темами: «красный террор», «военные поражения и развал Красной армии», «разруха» и «голод».

О терроре в советской России сообщалось, как правило, в псевдоточных или откровенно расплывчатых выражениях: «За полтора месяца арестовано четыре тысячи офицеров, которых поместили в концентрационные лагеря», «у большевиков будто бы адский план истребить повсеместно всех офицеров, затем подвергнуть такой же участи активных работников всех социалистических партий, затем приняться за представителей интеллигенции и торгово-промышленников»⁶⁷. При этом каждый раз подчеркивалась преступная суть массовых безжалостных убийств. За ними не признавалось дисциплинирующей роли, способствовавшей укреплению советской власти.

⁶⁷ В Советской России // Сибирский вестник (Омск). 1918. 24 сентября.

Ярким примером того, как доказывали «никчемность» вооруженных сил противника, может служить широко опубликованное сообщение, составленное на основе найденного после захвата Казани доклада командующего красными войсками Восточного фронта полковника И.И. Вацетиса. В нем содержалась информация о «плохом командовании», «паническом бегстве многочисленных, но недисциплинированных сил, привыкших к произволу и трусости», широко распространенных «случаях не выполнения приказов», «предательстве латышей» и необходимости «вводить дисциплину в армии расстрелами»⁶⁸. В совокупности с многочисленными сообщениями о поражениях Красной армии на всех фронтах подобные заметки ярко иллюстрировали заимствованный из пропаганды противника миф о «железном кольце, стягивавшемся вокруг большевиков все теснее и теснее». Только в отличие от большевиков, которые использовали представление о «железном кольце» для мобилизации сил и ресурсов, идейно-информационная сфера контрреволюции делала «расслабляющий» вывод о неминуемом крахе советской власти.

Осенью 1918 г. сибирские газеты растиражировали распространяемые Американским бюро печати так называемые «документы Сиссона» «о подкупе немцами Троцкого и Ленина». Они были опубликованы 18–19 октября 1918 г. в органе барнаульских кадетов «Народной свободе», 6 ноября 1918 г. появились в иркутских газетах (либеральном «Свободном крае» и социалистической «Сибири»), а 13 ноября 1918 г. в новониколаевской «Народной Сибири». Информация, разоблачавшая связи большевиков с германским Генеральным штабом, отвечала стереотипному представлению антибольшевистских общественно-политических сил о полной зависимости советско-большевистского режима от «внешнего врага России». В условиях поражения Германии в Мировой войне из подобной убежденности опять же следовал вывод о «неминуемом крахе предателей родины — большевиков».

⁶⁸ Состояние большевистских войск (доклад главнокомандующего Вацетиса, найденный после взятия Казани) // Заря (Омск). 1918. 1 сентября; Во вражеском стане // Сибирский вестник (Омск). 1918. 5 сентября; и др.

Разруха и голод в советской России эмоционально живописались со слов очевидцев: «В Москве хлеба нет! Ничего нельзя купить! Скоро с голоду умирать придется!», а «большевики справляют настоящий пир [...]. Бесконечно разъезжают комиссары и тучи комиссарииков в автомобилях, кричат, грубят, стреляют, пьянствуют, грабят»⁶⁹. При этом не производилось оценок финансовой, экономической и продовольственной политики Совета народных комиссаров.

В течение осени 1918 г. представления о большевиках и советской власти в идейно-информационной сфере контрреволюции в Сибири не менялись. Более того, их внедрение в массовое сознание населения утратило динамику. Повсеместно продолжал звучать только лейтмотив о «слабости и жестокости советско-большевистского режима».

Одновременно обобщенные представления о большевиках стали широко использоваться как клише, политические штампы в идейно-политической борьбе внутри антибольшевистского движения. По мере неблагоприятного для социалистов развития политической ситуации на востоке России (их оттеснения от государственной власти и роста давления со стороны военных и административного аппарата) эсеры и меньшевики сосредоточились на борьбе с «антидемократическими тенденциями», выискивая и обличая «большевизмом справа»⁷⁰. Либералы в свою очередь в ответ все чаще не различали социалистов разного толка, заявляли, что «социалисты нераздельны с большевиками» и «беспощадная борьба между ними является фразеологией»⁷¹.

К осени 1918 г. сложилась информационно-аналитическая служба государственной власти контрреволюции. При Совете министров Временного Сибирского правительства было учреждено информационное бюро, собиравшее сведения о мнениях и настроениях общественности и распространявшее через Сибирское телеграфное агентство и газету «Сибирский вестник» информацию о деятельности государственных институтов. Бюро решало в пер-

⁶⁹ *Минор О.* Последние московские впечатления // *Голос народа* (Томск). 1918. 14 сентября.

⁷⁰ *Голос народа* (Томск). 1918. 25, 26 октября.

⁷¹ *Социалисты* // *Свободная Сибирь* (Красноярск). 1918. 13 ноября.

вую очередь задачу информационного обеспечения деятельности местных органов власти и практически не уделяло внимания пропаганде и агитации. Оно целенаправленно не занималась обобщением представлений о большевиках и утверждением образа «врага» в массовом сознании. В начале ноября 1918 г. было подписано постановление о передаче официальных информационных структур Временного Сибирского правительства Временному Всероссийскому правительству⁷², но их работа продолжалась в прежнем режиме.

В грамоте Временного Всероссийского правительства «Ко всем областным правительствам и ко всем гражданам Государства Российского» от 4 ноября 1918 г. говорилось: правительство верит, что «все части и все народности Великой России, поняв смертельную опасность большевизма, грозящую Родине со стороны германо-мадьярских полчищ и их приспешников большевиков, сплотятся в единое мощное целое, дабы под твердым руководством всероссийской верховной власти вывести, наконец, нашу пострадавшую отчизну из бездны распада на предначертанный ей путь всероссийского государственного возрождения»⁷³. Соответствующая риторика — «немецко-большевистские полчища», «тяжкое иго большевизма и немецкого насилия» т.п. — использовалась в передовых статьях официальной газеты «Вестник Временного Всероссийского правительства» и в интервью председателя правительства Н.Д. Авксентьева⁷⁴. Тем самым большевики изображались врагом скорее «внешним», чем «внутренним». В условиях гражданской войны в России и окончания Мировой войны в ноябре 1918 г. такая подмена не могла способствовать мобилизации населения на борьбу с советской властью.

Таким образом, политическая общественность Сибири в период «демократической контрреволюции» была объединена императивом борьбы с большевизмом, но не имела цельного и точного представления о военно-политическом противнике. Причины, ос-

⁷² Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири... С. 33.

⁷³ Журавлев В.В. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции... С. 17.

⁷⁴ См.: Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 7, 15 и 17 ноября.

нования и цели, скрывавшиеся под лозунгом «борьбы с большевиками», у представителей разных общественно-политических сил оставались различными. Представители верховной государственной власти, неоднократно менявшие иерархию в эклектичном наборе национальных и демократических ценностей, не задавались целью внедрить массовое сознание населения образ «врага-большевика», сделать его полноценным орудием государственной политики. В итоге осенью 1918 г., когда на территории Сибири советская власть была повсеместно свергнута, а Германия капитулировала, окрепла уверенность в скором и неминуемом крахе «советско-большевистского политического режима». Поэтому кластеры негативных представлений о «большевизме» стали применяться в идейно-политической борьбе внутри антибольшевистского движения. Образ противника-большевика оказался в значительной степени распылен и девальвирован.